

ПРОБЛЕМА ДВОЙСТВЕННОСТИ ЛИЧНОСТНОГО И НАДЛИЧНОСТНОГО В ЭТНОПСИХОЛОГИИ АРМЯН

МОВСЕС ДЕМИРЧЯН

*Люди и группы людей – род, нация, народ – живут
благодаря силе созданных ими истин и умирают
вследствие их бессилия и непрактичности.*

Г. Асатрян¹

В этнопсихологии армян выделяется три уровня выражения личностного: «я», малое «мы» и большое «мы». Долгое отсутствие государственности, жизнь в инокультурном окружении и постоянная угроза изгнания и уничтожения оставляли незавершенными процессы формирования больших форм надличностного – нации и общества, способствуя, чтобы армяне в целях выживания полагались на свое «я» и малые «мы» – семью, род, клан, друзей и т.п. Именно благодаря создаваемой ими социальной реальности стало возможным для каждого отдельного человека реализовать программу жизни – получить образование, работу, создать семью, достичь благосостояния.

Ключевые слова: *этнокультура, этнопсихология, надличностное, государственность, нация, родина, клан, община*

Соотношение личностного и надличностного – интересная и актуальная проблема с множеством аспектов, исследуемых с философской и психологической точек зрения. Философское осмысление этого соотношения в психологии народа (этнопсихологии) позволяет обозначить широкий круг вопросов, открывающих новые области философского исследования проблемы. Например, границы личностного и надличностного, исторические и современные формы надличностного, культурно-исторические формы надличностной организации жизни народа и т.д. Наконец, актуальна проблема двойственности личностного и надличностного² в этнопсихологии армян. Исследование данного феномена позволит по-новому взглянуть на некоторые особенности организации жизни в армянском обществе, более глубоко осознать воздействие долгого отсутствия государственности на формирование социально-культурной модели жизни народа, а также очертить круг проблем, которые возникают вследствие раздвоения

¹ Հայկ Ասատրյան. Հատրնտիր. Եր.: Ամարիտ, 2004, ս. 17

² Под двойственностью в статье понимается противоречивость, раздвоение.

личностного и надличностного в его этнопсихологии.

Этнопсихология народа включает культурно-защитные механизмы, обеспечивающие стабильность, адаптацию и развитие в исторической перспективе, что особенно важно в переломные для него времена или ситуации. В истории армянского народа среди явлений, наиболее сильно повлиявших на формирование этнопсихологии и в конечном счете определивших ее особенность, принято выделять долгое отсутствие государственности, жизнь в инокультурном окружении и постоянную угрозу изгнания и уничтожения³. Следовательно, проблему соотношения личностного и надличностного целесообразно исследовать именно в рамках указанных явлений. Отсутствие государственности, жизнь в инокультурном окружении и постоянная угроза изгнания и уничтожения рассматриваются в статье как взаимно определяющие явления. Несмотря на то, что они имели место в разные исторические времена, их связь прослеживается в социально-культурных формах организации жизни армянского общества.

Под личностным и надличностным в статье имеются в виду соответственно индивидуальное «я» и разные формы коллективного «мы» – семейные, родственные, клановые, этнические, религиозные, профессиональные и т.д. Нетрудно заметить, что надличностное в любом своем виде есть проявление личностного в публичном пространстве. А поскольку организация социальной жизни и есть культура⁴, характеристики надличностного прямо зависят от особенностей данной культуры. Этническая культура представляет собой наиболее древний слой национальной культуры. Она охватывает все проявления повседневной жизни, формируя у человека этническую картину мира. Этническая культура дает человеку ответы на базовые вопросы: кто он такой, что он должен, может и не может делать, как и какие отношения строить с другими людьми и т.д. «Ответы, которые этническая культура дает на эти вопросы, – та призма, сквозь которую человек смотрит на мир, в котором он живет»⁵. Следовательно, этническая культура является системой смыслов, ценностей и целей, которые, с одной стороны, определяют жизнь человека внутри данного социума, с другой стороны, обеспечивают механизмы нравственно-психологической адаптации представителей данного народа к изменяющемуся миру.

Этническая картина мира – производная от двух факторов, этнических констант и ценностных ориентаций. «Этнические константы и ценностные ориентации соотносятся как условия действия и цель действия.

---

³ См. Лезов С. Попытка понимания. М.–СПб.: Университетская книга, 1999, с. 338.

⁴ См. Флиер А. Я. Опыт моделирования культуры как социальной системы // «Знание. Понимание. Умение», 2016, № 2, с. 113-124 (<https://core.ac.uk/download/pdf/289798913.pdf>)

⁵ Лондаджим Т. Социокультурная адаптация: сущность и функции // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2011, № 11 (54), с. 111. (Эл. ресурс www.gramota.net/materials/1/2011/11/, дата обращения 05.06.2021)

Этнические константы неизменны на протяжении всей жизни этноса, а ценностная ориентация может меняться»⁶. Если этническая картина мира изменяется, то только вследствие изменения ценностных ориентиров того или иного этноса, во многом зависящих от конкретных исторических условий. В определенной степени выбор ценностных ориентиров – это сознательное целеполагание, в то время как этнические константы – бессознательно-психические механизмы, преимущественно защитного характера. Как замечают этнопсихологи, «...повышенное чувство внешней опасности, высокая мера конфликтности по отношению к миру – все это не деструктивно для этнической культуры. Вредит скорее их недостаток, когда культура лишается внутренней напряженности, а следовательно, и мобильности. Процветание этноса зависит не от меры конфликтности, а от того, сколь хорошо функционируют психологические защитные механизмы этноса»⁷. Защитные механизмы этнической культуры, мобилизуясь на основе этнических констант, провоцируют выработку ценностных ориентиров (целей действия), в данных исторических условиях наиболее способствующих психологической защите и выживанию этноса.

Другими словами, социальная функциональность и жизнеспособность этнической культуры обеспечиваются двумя факторами: традиционностью и новациями. «Культурная устойчивость и культурная изменчивость сосуществуют в режиме определенного баланса... Тенденция культурной устойчивости, с одной стороны, противостоит тенденции культурной изменчивости, а с другой – не может нормально функционировать без нее. Чрезмерное преобладание устойчивости ведет к культурному застою, окостенению культуры, прекращению ее развития, а чрезмерное преобладание изменчивости ведет к разрушению культуры как системы. Обе тенденции должны уравнивать друг друга»⁸. В научных кругах принято мнение, что устойчивость культуры обеспечивается в первую очередь традициями, идеологией, мифологией⁹. А ее изменчивость – внешними факторами, из которых первостепенное значение имеют экономические и политические: уровень индустриализации общества, продуктивное функционирование государственных структур и т.д. Очевидно, что именно эти две сферы общественной жизни, экономика и политика, наиболее быстро и основательно изменяются под воздействием глобализации, что приводит к неизбежным изменениям той реальности, в которой функционирует этническая культура. Болезненные столкновения людей с новыми реалиями во многом смягчаются благодаря защитным механизмам этнической культу-

---

⁶ Лурье С. Метаморфозы традиционного сознания. СПб.: Тип. им. Коглякова, 1994, с. 198.

⁷ Там же, с. 199.

⁸ Флиер А. Я. Историческая устойчивость локальных культур // «Знание. Понимание. Умение», 2018, № 2, с. 130 (<https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskaya-ustoychivost-lokalnyh-kultur-faktorny-analiz/viewer>)

⁹ Там же, с. 124.

ры. Адаптируя реальность к изначально заданной культурной картине мира, этнос тем самым получает такой образ действительности, в котором все элементы систематизированы и соотнесены с общей структурой этнической культуры. «Этнос адаптируется к реальному миру тем, что всему в мире дает название, определяет его место в мироздании»¹⁰.

Одной из особенностей исторического развития армянской культуры является долгое отсутствие государственности. Этот вакуум в организации общественной жизни компенсировался культурой – начиная от определения межличностных отношений вплоть до обеспечения психологической и физической защиты народа. Возможно, этим объясняется укоренившееся в сознании армян представление о культуре как преимущественно этнозащитной системе, и не удивительно, что сохранение (воспроизводство) культуры во все времена считалось залогом сохранения (выживания) армянского этноса. Долгое отсутствие государственности подразумевало отсутствие социальной среды для естественного функционирования и развития культуры, вследствие чего армянская культура была вытеснена в узкую область быта и повседневности, поскольку в инокультурном окружении собственные нормы организации жизни этноса могли распространяться только на свою общину, сферой коммуникации которой были не чужие государство и общество, а собственный быт и повседневные внутриобщинные отношения. Одновременно нужно учитывать, что повседневность есть сфера личностного, это мир «первичных биологических потребностей и забот, самая бедная основа бытия с точки зрения социального и творческого»¹¹. Но поскольку во всякой культуре есть как индивидуальный (личностный), так и надиндивидуальный (надличностный) уровень, то нужно понять, в какой форме проявляется надличностное в ситуации, когда в окружении чужой культуры и в условиях отсутствия государственности культура этноса ограничена жизнью общины.

Надличностное есть форма проявления «мы», которое можно более точно охарактеризовать понятиями «**большое мы**» и «**малое мы**». «Большое мы» это нация как «полностью мобилизованная или институционализируемая этническая группа»¹², как свершившийся культурный и политический проект. А «малое мы» представлено такими группами, как семья, род, клан и община. Еще одна существенная разница между большим и малым «мы» состоит в том, что представители малых «мы» лично знают друг друга, тогда как представители нации не могут все быть знакомы лично. Это связано с тем, что чем больше «мы», тем более общи и абстрактны критерии идентификации другого как представителя данной нации

¹⁰ Лурье С. Историческая этнология. М., 1997. с. 221.

¹¹ Հր. Գ. Շարաշյան. Փիլիսոփայություն. Եր., Երևանի համալս. կրթամ., 2005, с. 130.

¹² Eller, Jack David. Ethnicity, Culture, and "The Past" // Michigan Quarterly Review, 1997, vol. 36, n. 4. (<http://hdl.handle.net/2027/spo.act2080.0036.411>)

(общая история, приверженность традиции, система ценностей, нравственные нормы и т.д.). А в малых этнических группах (семья, род и т.д.), наоборот, «работают» конкретные критерии узнавания – брат, родственник, друг и т.д.

Поскольку социальные условия, в которых жил и развивался армянский народ, позволяли создавать преимущественно малые формы коллективного бытия, то и надличностное исторически было ограничено системой родовых, клановых и общинных отношений. Социальная жизнь, организованная посредством малых «мы», внешне может не отличаться от, например, классических европейских обществ, но внутренняя ее структура имеет существенные отличия и противоречия.

Одна из основных особенностей состоит в том, что именно малые «мы» становятся посредниками в процессе социализации человека. Это означает, что конкретно в армянском обществе человек, хотя бы на первичных этапах, социализируется не через безличные общественные отношения, а посредством этнокультурных систем, что способствует возрождению и распространению этнического сознания и идентичности.

Вторая особенность проявляется в том, что именно через малые этнические группы люди входят в экономические и политические отношения. Это препятствует формированию условий для политического и гражданского сознания, так как отсутствует соответствующее национально-политическое бытие. Поэтому в армянском обществе доминантными становятся не правовые соотношения между отдельными людьми, а отношения и связи кланов и других малых групп. Эта закономерность заметна на всех уровнях социальной жизни – от личностного до государственного; она может быть сформулирована в виде **принципа доминирования клановых интересов**¹³. Очевидно, что такой «клановый эгоизм» существенным образом препятствует формированию внутригосударственных структур, особенно в сфере экономики и политики.

Но одновременно нужно заметить, что несмотря на известное отрицательное влияние малых «мы» на формирование правовых отношений между людьми и государственным мышлением, сам процесс создания малых форм коллективного бытия в истории армянского народа не случаен или ситуативен. Наоборот, создание малых этнических групп происходило **естественно**, потому что надличностное есть продолжение личностного в публичном пространстве, хотя проявления надличностного в истории армянского народа ограничивались инокультурным окружением и отсутствием собственной государственности.

Далее. Создание малых этнических групп было **необходимо**, даже исторически необходимо, поскольку таким образом заполнялась пустота в

---

¹³ Հր. Գ. Շաքարյան. Փիլիսոփայությունը ստեղծագործության գաղտնիքների որոնումներում. Եր.: Երևանի համալ. հրատ., 2002, с. 70.

общественной жизни, обусловленная отсутствием государственных общественных институтов, и создавались условия для формирования и выражения надличностных (коллективных) смыслов, ценностей, целей и идеалов, что необходимо для обеспечения полноты жизни народа.

Третье. Хотя в культуре армянского народа сферами выражения личностного являются малые «мы» (семья, друзья и т.д.), они не могут полностью заменить всю систему социальных отношений, хотя и претендуют на приватизацию сферы социального.

Четвертое. Формирующие структуру социальных отношений малые «мы» не способны заменить систему социальных отношений и **симулируют** ее. Другая причина подобной симуляции: так как система социальных отношений в любом обществе – это национальная (локальная) версия или интерпретация общечеловеческого цивилизационного кода, то ее **этнокультурная** замена представляет собой «искажение второго уровня» или «копию копии, тень тени»¹⁴. В данном случае формы надличностного как симулякры социальных структур и отношений конструируют реальность, благодаря чему понимание общего существования становится более определенным.

Хотя создаваемая малыми «мы» система отношений является симуляцией общественных связей, эта система не перестает быть реальной. Более того, она предстает как **первичная** этнокультурная реальность, претендующая быть **единственной**.

Создаваемые этнокультурой малые «мы», являясь воплощениями надличностного, имеют ряд преимуществ, которые не позволяют оценивать их только с негативной точки зрения.

1. Исторически армяне приобретали и теряли государственность, что привело к соответствующему отношению к государству как социальному институту, на который нельзя положиться из-за его недолговечности. Периодически возникающее и исчезающее государство не откладывалось в сознании и памяти народа как вечная или хотя бы жизнеспособная система, а этническая культура, наоборот, веками доказывала свою жизнеспособность. Следовательно, гарантии существования народа напрямую связывались не с государством, а с культурой.

2. Опыт и навыки управления государством, которые приобретались во время его существования, не всегда передавались следующими поколениями в письменном виде, а культурные традиции, нормы поведения и система ценностей передавалась устным путем из поколения в поколение, благодаря чему этническая культура представлялась более важной или безальтернативной. Более того, поскольку основные социальные институты – семья, образование, церковь, экономика – долгое время функциони-

---

¹⁴ Гречко П. К. Постмодерный конструктивизм // Вопросы социальной теории. Том VII. Вып. 1-2, 2013-2014, с. 29.

ровали без государственной политики и идеологии, их ценностно-смысловая нагрузка также определялась культурой.

3. Долгое отсутствие государственности в истории армянского народа отразилось также в том, что отношения между людьми вместо всеобщих и обязательных **правовых** норм поведения строились на основе **традиций, обычаев, шире – этнокультурных явлений**. Именно они сформировали ту социальную среду, где происходила социализация отдельных индивидов. Следовательно, такая культурная социализация есть «процесс освоения социальных норм, культурных ценностей и образцов поведения, позволяющий индивиду функционировать в данном обществе»¹⁵. Важно здесь то обстоятельство, что передача общественного опыта в условиях отсутствия государственности и доминирования в социальной жизни этнокультурных систем в основном происходит посредством **воспитания, а не образования**. Несмотря на то, что оба эти явления так или иначе влияют на социализацию личности, результат может различаться: в процессе образования большое место занимает теоретическое мышление и передача опыта посредством рационального познания, в то время как воспитание больше опирается на эмпирическое познание.

4. Малые «мы», как формы выражения надличностного, не только конструируют социальную реальность, но и наполняют ее смыслами, ценностями, идеалами, которые функционируют, соответственно, не в своих максимальных значениях, а образно говоря - малых. Одно из наиболее интересных проявлений такого «ограничения» в армянской этнокультуре можно продемонстрировать на примере понятия «родина». Если в русском языке слова родина и отечество используются как синонимы и оба понимаются в масштабах страны, то в этнокультуре армян под отечеством (страной) часто понимается родина (место рождения). Это позволяет проецировать принцип больших и малых «мы» на данное явление тоже, вследствие чего получают «большая родина» и «малая родина». Именно доминирование в сознании малой родины (места рождения) является причиной того, что в армянском обществе распространено явление «местнического патриотизма».

5. В таких условиях образ большого «мы» – нации как политического сообщества внутри одного государства – становится расплывчатым и абстрактным, и во все времена было трудно сформулировать общие исторические, территориальные, религиозные, языковые и другие критерии, которые объединяли бы всех армян в одну большую нацию. И наоборот, образы малых «мы» – семья, круг друзей, двор, род – всегда конкретны и даны в каждодневном опыте.

6. Следовательно, нужно было конструировать не большие, а малые формы надличностного, такие коллективные «мы», которые знакомы и

---

¹⁵ Ковалева А. И. Социализация // «Знание. Понимание. Умение», 2004, № 1, с. 139.

легко управляемы, предсказуемы и позволяют реализовать так называемую программу жизни – получить образование, найти работу, создать семью, обеспечить благосостояние, обустроить жизнь детей и т.д. Так как в этом случае малые коллективные «мы» – семьи и кланы – становятся главными субъектами общественных отношений, то естественным образом возникают социально-культурные основания для таких явлений, как династические браки, доминирование клановых интересов в политике и экономике или наследование власти по клановому признаку.

7. Укреплению в психологии армянского народа малых форм личностного способствовало также и то обстоятельство, что исторически армяне были вынуждены менять место жительства и обосновываться в других странах, что способствовало раздроблению в сознании представления об армянской нации как целостной, политически организованной и действующей сообща системе. Вместо этого жизнь армян, особенно в других странах, организовывалась и конструировалась внутри этнической общины, которая тоже является выражением малого «мы». Община как этнокультурная система играла в истории армян роль посредника между индивидами и миром, выполняя одновременно две важные функции: сохранение культурной идентичности и необходимую адаптацию и социализацию в других культурных системах. В исследованиях по этнопсихологии распространено мнение, согласно которому диаспора, являясь культурным очагом, предстает альтернативным фактором самоидентификации. Последнее особенно актуально в современных условиях глобализации, когда диаспора, именно как этнокультурная общность, благодаря своим многоуровневым связям с родиной – «материнским этносом» является очагом сохранения и развития культурных ценностей.

8. В пользу жизнеспособности и необходимости этнокультурной общины говорит также то обстоятельство, что чувство этничности обычно выше у недоминирующих общностей или, как их принято называть – национальных меньшинств, как в случае с армянской диаспорой. Жизнь в инокультурном окружении усиливает антиэнтропийные механизмы внутри самой общины, побуждая ее к большей активности ради самосохранения.

В условиях отсутствия государственности именно культура становится системой средств и форм организации жизнедеятельности индивида и общества, следовательно, ее можно охарактеризовать как проект или программу жизни, в которой определены все важные события, обозначены их временные сроки и способы реализации. Так как отсутствие государственности в истории армянского народа периодически лишало возможности организовать жизнь всего общества по одним и тем же принципам и нормам, то эту функцию брала на себя культура, которая, однако, не могла претендовать на такую всеобщность и обязательность, которая возможна в

условиях государства при помощи законов и национальной идеологии. Следовательно, культура могла организовать жизнь человека не в формах большого «мы» (нации или общества), а в малых формах надличностного бытия – семьи, клана, общины. Так как они принадлежат сфере публичного, то таким образом этническая культура обеспечивала самовыражение и самоутверждение личности в публичных отношениях.

Надличностное также есть естественное продолжение личностного, следовательно, малые «мы» являются естественными формами надличностного бытия, сформировавшимися в армянской культуре. Поскольку естественное развитие личности на определенном этапе предполагает выражение социальной сущности человека, то именно через эти формы надличностного бытия происходит адаптация и социализация личности в армянской культуре. Нужно учитывать, что условия и возможности для формирования и выражения большого «мы» – нации и общества – обеспечивает государство. Продолжительное отсутствие последнего в истории армянского народа привело к тому, что исторически надличностное ограничивалось малыми формами выражения, которые носили и носят этнокультурный характер. В отсутствие государственности культура доказывала свою жизнеспособность и выполняла этнозащитную функцию, укрепляясь в сознании армян как гарантия духовного существования и развития народа.

Несмотря на то, что малые формы надличностного и есть публичные сферы выражения личности, они не могут полностью заменить систему социальных отношений и с этой точки зрения могут быть охарактеризованы как симулякры, поскольку представляют имитации социальной жизни, символы того, чего на самом деле нет. От этого их реальность не уменьшается, наоборот, именно отношениями семей, кланов, родов, друзей и общин формируется социальная реальность армянского общества, особенно если учесть, что подобные отношения продолжают в сферах экономики и политики, создавая клановую экономику и клановую политику.

Таким образом, в этнопсихологии армян выделяя три уровня выражения личностного: «я», малое «мы» и большое «мы». Долгое отсутствие государственности, жизнь в инокультурном окружении и постоянная угроза изгнания и уничтожения оставляли незавершенными процессы формирования больших форм надличностного – нации и общества, способствуя, чтобы армяне в целях выживания полагались на свое «я» и малые «мы» – семью, род, клан, друзей и т.п. Именно благодаря создаваемой ими социальной реальности стало возможным для каждого отдельного человека реализовать программу жизни – получить образование, работу, создать семью, достичь благосостояния.

ՄՈՎՍԵՍ ԴԵՄԻՐՃՅԱՆ – Անձնայինի և վերանձնայինի երկվության հիմնահարցը հայկական էթնոհոգեբանության մեջ - Հայերի էթնոհոգեբանության մեջ հնարավոր է առանձնացնել անձնայինի երեք մակարդակ՝ «ես», փոքր «մենք» և մեծ «մենք»: Պետության երկարատև բացակայությունը, օտար մշակութային միջավայրում ապրելը և տեղահանման ու ոչնչացման մշտական սպառնալիքը կիսատ թողեցին մեծ «մենք»-երի՝ ազգի և հասարակության, ձևավորման գործընթացները և միևնույն ժամանակ նպաստեցին նրան, որ հայերն իրենց կյանքը կառուցեն՝ ապավինելով «ես»-ին և փոքր «մենք»-երին՝ ընտանիքին, տոհմին, ընկերներին և համայնքին: Հենց դրանց ստեղծած սոցիալական իրականության մեջ է հնարավոր դարձել իրականացնել այսպես կոչված «կյանքի ծրագիրը»՝ ստանալ կրթություն, աշխատել, կազմել ընտանիք, ապահովել բարեկեցություն և այլն:

Բանալի բառեր - էթնոմշակույթ, էթնոհոգեբանություն, վերանձնային, պետականություն, ազգ, հայրենիք, կլան, համայնք

MOVSES DEMIRTSHYAN – The Problem of Duality of the Personal and the Transpersonal in the Ethnopsychology of Armenians. – We can conclude that there are three levels of personal expression in the ethno-psychology of Armenians: “I”, small “we”, and big “we”. The long absence of statehood, life in a foreign cultural environment, and the constant threat of expulsion and destruction left unfinished the processes of the formation of large forms of the transpersonal – the nation and society, and at the same time contributed to the fact that Armenians for survival relied on their “I” and small “we” – the family, the clan, the friends and the community. Due to the social reality they created, it became possible for each individual to implement a life program – to get an education, work, create a family, achieve well-being, etc.

Key words: ethno-culture, ethno-psychology, transpersonal, statehood, nation, homeland, clan, community